

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Научно-исследовательская статья
УДК 821.161.1-31Лермонтов
DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-54-64

ВВОДНЫЕ СЛОВА В РОМАНЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» И ПРОБЛЕМА ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Девятова Надежда Михайловна

Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация;
deviatovan@mail.ru, AuthorID: 309102, <https://orcid.org/0000-0003-1591-3649>

Аннотация. Вводные слова представляют одно из средств в организации модуса предложения и текста. Включаясь в текст, они являются маркерами определенной точки зрения – отношения к высказыванию. Проблема формирования модусного пространства текста представляет сложную и недостаточно изученную проблему, тогда как язык располагает богатыми средствами выражения модусных смыслов.

В статье рассматривается субъектная структура романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1840) и роль вводно-модальных слов в организации разных точек зрения – повествователя и героев, участвующих в развитии романного сюжета. Цель работы заключается в том, чтобы показать связь вводных слов с позициями изображаемых лиц в их познании внешней среды и внутреннего мира людей. Разнообразен состав вводных слов, организующих эти точки зрения, и контексты, свидетельствующие о различии ментальных процессов, ориентированных на разные стороны мира и психологии человека. В работе реализован метод дискурсивного анализа, позволяющий анализировать текст в единстве его диктумного содержания и модуса – реализованной точки зрения. В ходе исследования выявлено значение вводных слов в организации «внешней» оценки и «внутренней» точки зрения героев романа: Печорина, Максима Максимыча и повествователя – странствующего офицера.

Ключевые слова: вводное слово, модусное пространство, «внешняя» и «внутренняя» точка зрения, характер осмысления ситуации.

Для цитирования: Девятова Н.М. Вводные слова в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и проблема точки зрения // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. XVIII. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2024. С. 54–64. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-54-64.

Original research article

INTRODUCTORY WORDS IN M.Yu. LERMONTOV'S NOVEL "A HERO OF OUR TIME" AND THE PROBLEM OF POINT OF VIEW

Nadezhda M. Devyatova

Moscow City University, Moscow, Russian Federation;

deviatovan@mail.ru, AuthorID: 309102, <https://orcid.org/0000-0003-1591-3649>

Abstract. Introductory words are one of the means in organizing the mode of a sentence and text. When included in the text, they are markers of a certain point of view – an attitude to the statement. The problem of forming the modal space of a text is a complex and insufficiently studied problem, while the language has rich means of expressing modal meanings.

The subject structure of M.Yu. Lermontov's novel "A Hero of Our Time" (1840) and the role of introductory modal words in organizing different points of view – the narrator and the heroes participating in the development of the novel's plot are examined in the article. The purpose of the work is to show the connection of introductory words with the positions of the depicted persons in their cognition of the external environment and the inner world of people. The composition of introductory words organizing these points of view is diverse, as are the contexts indicating the difference in mental processes oriented toward different aspects of the world and human psychology. The work implements the method of discourse analysis, which allows analyzing the text in the unity of its dictum content and mode – the realized point of view. The study revealed the significance of introductory words in organizing the "external" assessment and "internal" point of view of the novel's heroes: Pechorin, Maksim Maksimych and the narrator, a wandering officer.

Keywords: introductory word, modus space, "external" and "internal" point of view, nature of understanding the situation.

For citation: Devyatova Nadezhda M. Introductory Words in M.Yu. Lermontov's Novel "A Hero of Our Time" and the Problem of Point of View // Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles / Editor-in-Chief Maria B. Loskutnikova. Vol. XVIII. M.: IKD "Zertsalo-M" Press; MCU Press, 2024. Pp. 54–64. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-54-64.

© Девятова Н.М., 2024

Введение

Исследование художественного текста связано с его ключевой проблемой – образа автора и системы представленных точек зрения. Как писал В.В. Виноградов, образ автора представляет концентрированную суть текста, совокупность всех точек зрения в тексте и способов их организации [Виноградов, 1976]. Методологические аспекты проблемы освещены

в работах М.М. Бахтина, Г.А. Гуковского, Д.С. Лихачева и др.

Проблема образа автора исследуется как в литературоведении, так и в лингвистике. Разработка вопроса в языкознании связана с разными аспектами семантики предложения и текста. Для художественного текста значимыми являются вопросы носителя точки зрения, способов отражения ее «внешней» и «внутренней» граней. В лингвистике указанная сфера связана с проблемой модуса [Падучева, 1993; Геймбух, 1995; Сидорова, 2000; Золотова и др., 2004; Девятова, 2021 и др.] и с проблемой различения Я- и Он-моделей.

Особый интерес для исследователей в этом плане вызывает роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1840), поскольку в нём заявлены разные точки зрения, сквозь призму которых автор показывает героев и события: «Богатство языка романа основывается <...> на его “многоголосии”. Мы слышим в романе голоса трех рассказчиков – странствующего офицера, Максима Максимыча и Печорина. У каждого из них свой строй языка, свои особенности речи. К ним присоединяются своеобразные голоса Бэлы, Казбича, Азамата, Грушницкого, княжны Мери, Вернера и других персонажей романа» [Ломунов, 1971, с. 188].

Цель настоящей статьи – показать значение вводных слов и их нюансировку в субъектной организации означенного художественного текста.

Основная часть

Вводные слова представляют одно из средств субъективной модальности – отношения говорящего к высказыванию. Состав вводных слов достаточно разнообразен, на что обращал внимание еще В.В. Виноградов [Виноградов, 1950], и они по-разному участвуют в организации той или иной точки зрения.

В романе Лермонтова каждая из точек зрения действующих лиц важна для понимания идейной стороны произведения. На разные события мы смотрим глазами разных персонажей, и это создает многослойность и многоцветность романа. Для обозначения каждой точки зрения автор находит определенные способы организации. Немаловажную роль среди них занимают вводные, или вводно-модальные, слова и другие модусные показатели. В оформлении разных точек зрения участвует множество вводных слов, различно их количество и качественный состав. Так, Печорин является не только носителем собственной точки зрения, но и показан глазами других героев. Одни персонажи реализуют собственную точку зрения только как субъекты речи – в диалогических фрагментах романа, другие представлены разнопланово – в том числе через восприятие других персонажей.

Первый персонаж, с которым знакомится читатель, – это Максим Максимыч, штабс-капитан, давно служащий на Кавказе, знакомый с разными человеческими судьбами. Именно в его пересказе предстает главный герой повествования – Григорий Александрович Печорин. С точки зрения Максима Максимыча передаются события, происходящие с Печориным во время

пребывания на Кавказе, его отношение к людям, среди которых приходится жить; сквозь призму сознания штабс-капитана освещены обычаи и нравы коренных жителей Кавказа.

В диалогах с повествователем – странствующим офицером – Максим Максимыч предстает как субъект речи. Речь этого героя насыщена вводными словами. Здесь автором использованы разные слова: *конечно, кажется, верно, видно* и др. Обращает на себя внимание преобладание вводных слов, служащих цели привлечения внимания собеседника: *поверите ли, знаете ли, видите ли, признаться* и др. Штабс-капитан обращается к собеседнику, который хочет знать историю Печорина. Эта история – часть жизни и самого Максима Максимыча, оказавшегося рядом с Печориным и Бэлой. Из того, как штабс-капитан рассказывает о недавних событиях, видно, что произошедшее глубоко задело его. Он еще не пережил эту историю до конца, поэтому для него важно, чтобы слушатель понял его, чтобы его переживания нашли отклик в душе собеседника, в силу чего вводные слова встречаются в разных местах речи героя.

Первый раз в речи Максима Максимыча появляется *поверите ли* при представлении своей точки зрения на события и окружающих: *Поверите ли? Ничего не умеют, не способны ни к какому образованию! <...> а у этих и к оружию никакой охоты нет: порядочного кинжала ни на одном не увидишь* [здесь и ниже: Лермонтов]. Вводное слово, помимо привлечения внимания собеседника, имплицитно содержит и другие смыслы: невозможно поверить, что есть такие люди. Говорящий выстраивает непреодолимое препятствие между собой и живущими рядом с ним. Тем самым Максим Максимыч обнаруживает точку зрения превосходства по отношению к местным жителям.

Страстность героя, проявляющая в разговоре, связана с тем, что люди, несущие службу вдали от родины, среди чужих людей, любят посудачить. Вводное слово *знаете* звучит в рассказе о военных буднях, об инокультурных обычаях. *Знаете* встречается и в рассказе Максима Максимыча о себе – в объяснении того, почему у него нет семьи: *а запасться женой не догадался раньше, – так теперь, знаете, и не к лицу; я и рад был, что нашел кого баловать; Я, знаете, никогда с женщинами не обращался*. Герой открывает сокровенные мысли случайному собеседнику, обнаруживая свою тайную боль. Сам диалог Максима Максимыча с повествователем говорит об одиночестве героя, для которого важным оказывается понимание случайного человека.

Вводное слово *знаете* в речи штабс-капитана автор использует и в рассказе этого героя о похищении Бэлы, о поведении Печорина при смерти Бэлы. Здесь данное вводное слово употребляется для поддержания контакта. Поскольку речь идет о событиях, значимых для Максима Максимыча, это слово выражает и чувства говорящего. Не случайно, что *знаете* завершает и рассказ героя при прощании с собеседником. Если в приведенных выше

ситуациях для Максима Максимыча важен был отклик собеседника, поскольку он стремится не только рассказать историю Печорина и Бэлы, но и поделиться своим чувством, высказаться, то при прощании с собеседником Максим Максимыч психологически закрывается: обиженный в свое время невниманием молодого друга, он предполагает такое же отношение к себе и со стороны собеседника-повествователя. Когда странствующий офицер заявляет, что не заслужил этих упреков, Максим Максимыч с горечью отвечает: *Да я, знаете, так, к слову говорю; а впрочем, желаю вам всякого счастья и веселой дороги*. Вводное слово *впрочем* позволяет переключиться на другую тему, снизить пафос собственной речи и завершить диалог.

На протяжении рассматриваемого доверительного разговора в него включаются вводные слова и словосочетания *вот видите, скажите-ка: Скажите-ка, пожалуйста, – продолжал штабс-капитан, обращаясь ко мне, – вы вот, кажется, бывали в столице, и недавно: неужто тамошняя молодежь вся такова?*

Вводные слова *к счастью, к несчастью* в речи Максима Максимыча служат для оценки события: *Стали мы болтать о том, о сем: вдруг смотрю, Казбич вздрогнул, переменялся в лице – и к окну; но окно, к несчастью, выходило на задворье*. Вводное слово *к несчастью* дает оценку будущим событиям и имеет проспективную ориентацию. То же слово включено автором в рассказ Максима Максимыча о Печорине и в следующем контексте: *К счастью, по причине неудачной охоты, наши кони не были измучены*.

Вводные слова *конечно, разумеется* говорят о принадлежности позиции говорящего к общепринятой точке зрения [Дискурсивные слова..., 1998]. В речи Максима Максимыча *конечно* может выражать согласие с репликой собеседника: *Да ведь вы же были у него? [коменданта] – Был, конечно, – сказал он заминаясь... Конечно* здесь наделено следующим смыслом: в подобной ситуации так бы поступил каждый, и я поступил подобным образом. В другом примере *конечно* выражает противоречие общепринятой точке зрения: *конечно, мы были приятели, – ну, да что приятели в нынешнем веке!..* В этом последнем случае проявляется диалогизм вводного слова: как человек, разделяющий общую точку зрения, герой противопоставляет ей точку зрения молодого поколения, к которому принадлежат Печорин и, как предполагает Максим Максимыч, странствующий офицер.

Одно из наиболее частотных вводных слов в речи Максима Максимыча – *верно*: оно встречается в речи этого героя, когда он дает собственную интерпретацию событий и их причин. *Верно* относится к группе вводных слов, выражающих уверенность / неуверенность в сообщаемом. Как показано в ряде работ, в значении вводных слов отражается определенное соотношение слова и ситуации, формирование мнения говорящего на основании определенного контакта с ситуацией или вне такого контакта [Июанесян, 1993; Яковлева, 2003]. Так, например, значение *похоже* формируется на основе непосредственного

контакта и его хорошего знания: говорящий делает вывод на основе знания ситуации; количество наблюдаемых или известных признаков должно быть достаточным для формирования вывода [Девятова, 2009].

Исследуя предложения причинно-аргументирующего типа, Е.С. Ярыгина выделяет разные типы соотношения модусов двух предикативных ситуаций, одна из которых представляет диктумную ситуацию, а вторая, создаваемая при помощи вводного слова, представляет мнение говорящего, некоторое предположение [Ярыгина, 2018]. Так, Максим Максимыч рассказывает, в частности, об Азамате и его исчезновении из дома: *Так с тех пор и пропал: верно, пристал к какой-нибудь шайке абреков, да и сложил буйную голову за Тереком или за Кубанью. Верно* также использовано автором в речи Максима Максимыча при объяснении размолвки Печорина и Бэлы: *верно, между ними черная кошка проскочила!* Это же вводное слово встречается при интерпретации сюжетных событий, свидетелем которых произносящий речь не был. Так, обобщенный ментальный вывод штабс-капитан делает на основе наблюдаемой ситуации, не подозревая, что в экипаже едет Печорин: *Экая чудная коляска! <...> верно, какой-нибудь чиновник едет на следствие в Тифлис*. Вывод, сделанный на основании семантики *верно*, мыслится как одно из возможных объяснений, но в дальнейшем предположение не находит подтверждения.

В отношении точки зрения главного героя романа Печорина следует подчеркнуть, что вводные слова играют важную роль при создании данного образа. При этом состав вводных слов более разнообразен, чем при воплощении автором образа Максима Максимыча.

В отличие от способов выражения точки зрения пожилого штабс-капитана, в речи Печорина значительно реже встречаются вводные слова, служащие для привлечения внимания собеседника. Так, выражение *видите ли* встречается в диалогах Печорина лишь дважды. Во-первых, это разговор героя с доктором Вернером перед дуэлью, когда ситуация предполагает определенную откровенность и Вернер ожидает каких-то признаний от Печорина, но последний далек от того, чтобы раскрыть свои чувства. Герой демонстрирует холодность и эгоизм: *Видите ли, я выжил из тех лет, когда умирают, произнося имя своей любезной и завещая другу клочок намаженных или ненамаженных волос. Думая о близкой и возможной смерти, я думаю об одном себе*. Та же, во-вторых, демонстративность заметна и в диалоге Печорина с княжной Мери: *Видите ли, я перед вами низок*. За такими суждениями не стоит искреннее чувство, поскольку Печорин не нуждается в обнажении своих настроений и переживаний.

Назовем наиболее частотные вводные слова, характеризующие Печорина: *кажется, видно, верно, вероятно*, реже *может быть, конечно*. Эти вводные слова встречаются разных в контекстах, как обращенных к внешнему миру – окружающей обстановке и участникам событий, в которых участвует

Печорин, так и к самому себе – к своим чувствам, к мотивам своих поступков.

Вводное слово *кажется* / *казалось* использовано автором в романе 10 раз. Впервые *казалось* как отражение точки зрения Печорина появляется в главе «Тамань» при объяснении героем поведения слепого юноши: *Я, с трудом спускаясь, пробирался по крутизне, и вот вижу: слепой приостановился, потом повернул низом вправо; он шел так близко от воды, что, казалось, сейчас волна схватит его и унесет; но, видно, это была не первая его прогулка, судя по уверенности, с которой он ступал с камня на камень и избегал рытвин.* Текстовый фрагмент представляет интерпретацию наблюдаемой ситуации. Вывод, осуществленный с помощью вводного слова *казалось*, формируется на основании осмысления перцептивной ситуации. Слово *видно* в приведенном контексте поддерживает заключение, основанное на суждении о значимых признаках ситуации.

Ментальное сознание Печорина направлено на аналитическое восприятие внешнего мира, как и в случае с ундиной, властно привлекавшей внимание героя: *Странное существо! На лице ее не было никаких признаков безумия; напротив, глаза ее с бойкою пронизательностью останавливались на мне, и эти глаза, казалось, были одарены какою-то магнетическою властью, и всякий раз они как будто бы ждали вопроса.* Печорин не бесчувственный человек; новое, необычное не оставляет его равнодушным, в таких ситуациях просыпается его природное любопытство. Он старается проникнуть в суть происходящего и при этом поддается чувствам, забывая о возможной опасности: ему не чужд риск. В приведенном фрагменте встречаются и другие показатели модуса: *напротив* – вводное слово, указывающее на противоположные детали при формировании вывода, модальная частица *как будто*, выступающая как модальный оператор [Арутюнова, 1997], при представлении внутреннего состояния ундины отражает внешнюю точку зрения.

Печорина интересует поведение людей. Он внимательно, хотя и равнодушно наблюдает за княжной Мери, за началом их возможного романа и с протокольной точностью фиксирует движения девушки, пытаясь понять ее внутреннее состояние: *Легче птички она к нему подскочила, нагнулась, подняла стакан и подала ему с телодвижением, исполненным невыразимой прелести; потом ужасно покраснела, оглянулась на галерею и, убедившись, что ее маменька ничего не видала, кажется, тотчас же успокоилась.*

Вводное слово *кажется* встречается при объяснении Печориным характера княжны Мери: в понимании героя, она, *кажется, из тех женщин, которые хотят, чтобы их забавляли.* Вводное слово включается в рассуждение о платонической любви, в сложный ход мысли Печорина. Вывод героя оформляет информативный тип речи, в котором вводное слово определяет его ментальную деятельность. В другом контексте *казалось* организует вывод, сформированный на основе наблюдения, в котором субъектом-наблюдателем

является Печорин, следящий за княжной через полузакрытое шторой окно: *Мери сидела на своей постели, скрестив на коленях руки; ее густые волосы были собраны под ночным чепчиком, обшитым кружевами; большой пунцовый платок покрывал ее белые плечики, и маленькие ножки прятались в пестрых персидских туфлях. Она сидела неподвижно, опустив голову на грудь; перед нею на столике была раскрыта книга, но глаза ее, неподвижные и полные неизъяснимой грусти, казалось, в сотый раз пробежали одну и ту же страницу, тогда как мысли ее были далеко...* Кажется встречается также во фрагменте, представляющем интерпретацию Печориным поведения Грушницкого во время встречи последнего с княжной Мери: *Когда я подошел к ней, она рассеянно слушала Грушницкого, который, кажется, восхищался природой.* Вывод делается на основе наблюдаемых признаков, хотя они и не называются в тексте: это особое выражение лица княжны Мери – отсутствие интереса к словам человека, стремящегося чем-то ее увлечь. В Печорине, таким образом, сочетаются обычное любопытство и желание разобраться в окружающей обстановке, прием позволяет автору показать холодный ум героя.

Вводные слова встречается в сложноподчиненных предложениях аргументирующего типа. Особенность таких конструкций [Ярыгина, 2018] состоит в том, что главное предложение в них называет ментальный вывод, опирающийся на знание исходной ситуации. Так, при изображении Печорина в кругу «водяного общества» значимо вводное слово *видно*. Оно отражает внешнюю точку зрения: так герой объясняет особое к себе отношение. В частности, автором представлена сцена, когда Печорин с особой тщательностью готовится к оболщению Мери: *Когда я вошел, все замолчали: видно, говорили обо мне.*

Одно из частотных вводных слов – *вероятно*. Оно встречается при объяснении Печориным как чужих намерений (*вероятно, поэтому Грушницкий сверх солдатской шинели повесил шашку и пару пистолетов*), так и собственных (*вероятно, если б я не проехался верхом и не был принужден на обратном пути пройти пятнадцать верст, то и эту ночь не сомкнул бы глаз моих*).

Словосочетание *может быть* используется автором при изображении ряда событий в жизни Печорина: расставание с Верой (*я знаю, мы скоро разлучимся опять и, может быть, навеки*), мысли о смерти (*И, может быть, я завтра умру!..*). В последнем случае *может быть* обращено к будущему героя, и возможную смерть он воспринимает спокойно. Размышляя о противоречиях своего характера, Печорин признается себе: *Может быть, я хочу быть убит.*

Столь же богато вводные слова представлены и в речи повествователя – странствующего офицера. Так, *видно* введено автором в размышления этого действующего лица о людях своего поколения и об особенностях современности, расцениваемых как странности: *Но, видно, Русь так уж сотворена, что все в ней обновляется, кроме подобных нелепостей.* Слово

казалось обнаруживается в описании странствующим офицером трудного пути в горах, когда он стремится рассмотреть своеобразие местности и одновременно понять характер Максима Максимыча: *казалось, дорога вела на небо*. Вводные слова в устах повествователя призваны осветить социально-психологические данности внешнего мира. Так, *может быть* обращено повествователем к читателю при воссоздании Максимом Максимычем истории погибшей горянки: *Но может быть, вы хотите знать окончание истории Бэлы? Конечно* в речи странствующего офицера объясняет мнение Максима Максимыча относительно вреда от пьянства и передает стороннюю (внешнюю) точку зрения.

Однако автор в своем естественном желании привлечь внимание реципиентов к излагаемым историям настроен на то, чтобы в большей мере, помимо освещения позиции повествователя, дать слово героям, непосредственно участвующим в сюжетной организации текста.

Выводы

Итак, анализ вводных слов в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» позволил увидеть их роль в субъектной организации текста, в формировании точки зрения. Соединяясь с той или иной точкой зрения, вводное слово открывает ментальные горизонты героев и персонажей, их отношение к миру и к самим себе.

Источники

Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: в 4 тт. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. Т. 4. С. 183–314. URL.: <https://feb-web.ru/feb/lermont/default.asp?/feb/lermont/texts/lerm04/vol04/144.html>

Литература

Арутюнова Н.Д. Модальные и семантические операторы // Облик слова: сб. ст. памяти Дмитрия Николаевича Шмелева. М.: Институт русского языка РАН, 1997. С. 22–40.

Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды Института русского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 2. С. 38–79.

Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1976. 511 с.

Геймбух Е.Ю. Образ автора как категория филологического анализа художественного текста (на материале произведений И.С. Тургенева малых форм): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 15 с.

Девятова Н.М. Вводно-модальные слова и их прагматические смыслы // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 1. С. 14–20.

Девятова Н.М. Проблема модуса и вводно-модальные слова: лингвистический портрет единицы *похоже* // Русский язык в школе. 2009. № 7. С. 61–64.

Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического

описания / Под ред. К. Киселёвой, Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998. 447 с.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: ИРЯ РАН, 2004. 541 с.

Иоанесян Е.Р. Классификация ментальных предикатов по типам вводимых ими суждений // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 89–95.

Ломунов К.Н. О романе Лермонтова // Лермонтов М.Ю. Стихотворения. Герой нашего времени. М.: Детская литература, 1971. С. 172–189.

Падучева Е.В. Говорящий как наблюдатель: об одной возможности применения лингвистики в поэтике // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 1993. Т. 52, № 3. С. 33–44.

Сидорова М.Ю. Грамматика художественного текста. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 416 с.

Яковлева Е.С. Согласование модусных характеристик в высказывании // Логический анализ языка: Избранное. 1988–1995. М.: Индрик, 2003. С. 129–146.

Ярыгина Е.С. Синтаксис аргументативного дискурса. М.: Юстицинформ, 2018. 198 с.

References

Sources

Lermontov M.Yu. *Geroj Nashego Vremeni* [A Hero of Our Time] // Lermontov M.Yu. Collected Works: in 4 vols. 2nd ed., corrected and suppl. L.: Nauka Publishing House. Leningrad Branch, 1981. V. 4. Pp. 183–314.

Literature

Arutyunova N.D. *Modal'nye i semanticheskie operatory* [Modal and Semantic Operators] // *Oblik slova: sb. st. pamyati Dmitriya Nikolaevicha Shmeleva* [The Form of the Word: Collection of Articles in Memory of Dmitry Nikolaevich Shmelev]. М.: Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences Press, 1997. Pp. 22–40.

Vinogradov V.V. *O kategorii modal'nosti i modal'nyh slovah v russkom yazyke* [On the Category of Modality and Modal Words in the Russian Language] // *Trudy Instituta russkogo yazyka* [Proceedings of the Institute of the Russian Language]. М.; L.: USSR Academy of Sciences Press, 1950. V. 2. Pp. 38–79.

Vinogradov V.V. *Poetika russkoj literatury* [Poetics of Russian Literature]. М.: Nauka Publishing House, 1976. 511 p.

Gejmbukh E.Yu. *Obraz avtora kak kategoriya filologicheskogo analiza hudozhestvennogo teksta (na materiale proizvedenij I.S. Turgeneva malyh form). Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [The Image of the Author as a Category of Philological Analysis of the Artistic Text (Based on the Works of I.S. Turgenev in Short Forms): abstract of dis. ... Cand. of Philological Sciences. М., 1995. 15 p.

Devyatova N.M. *Vvodno-modal'nye slova i ih pragmaticheskie smysly* [Introductory Modal Words and Their Pragmatic Meanings] // *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly* [Scientific Essays of Higher Education]. 2021. № 1. Pp. 14–20.

Devyatova N.M. *Problema modusa i vvodno-modal'nye slova: lingvisticheskiy portret edinicy pohozhe* [The Problem of Modus and Introductory Modal Words: Linguistic Portrait of the Unit *pohozhe*] // *Russkij yazyk v shkole* [Russian Language at School]. 2009. № 7. Pp. 61–64.

Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya [Discursive Words of the Russian Language: Experience of Contextual-semantic Description] / Edited by K. Kiseleva, D. Payar. M.: *Metatext Press*, 1998. 447 p.

Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. M.: Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences Press, 2004. 541 p.

Ioanesyan E.R. *Klassifikaciya mental'nyh predikatov po tipam vvodimyh imi suzhdenij* [Classification of Mental Predicates by the Types of Judgments They Introduce] // *Logicheskij analiz yazyka. Mental'nye dejstviya* [Logical Analysis of Language. Mental Actions]. M.: *Nauka Publishing House*, 1993. Pp. 89–95.

Lomunov K.N. *O romane Lermontova* [About Lermontov's Novel] // Lermontov M.Yu. *Stihotvoreniya. Geroj nashego vremeni* [Poems. A Hero of Our Time]. M.: Children's Literature Publishing House, 1971. Pp. 172–189.

Paducheva E.V. *Govoryashchij kak nablyudatel': ob odnoj vozmozhnosti primeneniya lingvistiki v poetike* [The Speaker as an Observer: on One Possibility of Applying Linguistics in Poetics] // *Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Series of Literature and Language*. 1993. V. 52, № 3. Pp. 33–44.

Sidorova M.Yu. *Grammatika hudozhestvennogo teksta* [Grammar of Fiction]. M.: Moscow State University Press, 2000. 416 p.

Yakovleva E.S. *Soglasovanie modusnyh harakteristik v vyskazyvanii* [Coordination of Modus Characteristics in an Utterance] // *Logicheskij analiz yazyka: izbrannoje* [Logical Analysis of Language: Selected. 1988–1995]. M.: *Indrik Press*, 2003. Pp. 129–146.

Yarygina E.S. *Sintaksis argumentativnogo diskursa* [Syntax of Argumentative Discourse]. M.: *Justitsinform Press*, 2018. 198 p.

Сведения об авторе

Девятова Надежда Михайловна – доктор филологических наук, доцент; профессор департамента филологии института гуманитарных наук; Московский городской педагогический университет. Научные интересы: современный русский язык, компаративистика.

Information about the Author

Nadezhda M. Devyatova – Dr. Sc. (Philology), Associate Professor; Professor of the Department of Philology of the Institute of Humanities; Moscow City University. Research interests: modern Russian Language, comparative studies.